

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Интервью всегда было любимым жанром у читателей, потому как нет ничего ярче, острее и занимательнее, чем рассказ творческого человека о том, что он хотел выразить в своей работе. Иногда это помогает глубже понять роман, спектакль или интерпретацию музыкального шедевра, а порой, наоборот, поражает парадоксальностью мышления автора и осознанием того, что ваше восприятие в корне отлично от того, что было задумано автором. Сегодня «от первого лица» на злободневные темы высказываются писатель, пианист и актер. С чем согласимся?..

Право на аншлаги надо доказывать

ФОТО: НГ.

Денис Мацуев выпустил новый альбом. В его основу легло выступление российского пианиста в «Карнеги Холле».

Альбом открывается записью Второго концерта Рахманинова.

Диск вышел в свет в год 140-летия одного из самых важных для Мацуева композиторов. Кстати, Мацуев является музыкальным послом фонда Sergei Rachmaninov Foundation. И не кому-нибудь, а именно ему несколько лет назад фонд доверил исполнение неизвестных опусов композитора, сенсационно обнаруженных в архивах. С ними Мацуев тоже записал альбом.

— Как эти сочинения попали к вам?

— Их передал мне внук композитора — Александр Борисович. Это студенческие работы Рахманинова. Легенда гласит, что он, 19-летний студент консерватории, послал свои произведения Чайковскому, дабы мэтр их оценил. Ноты были переданы через секретаршу, но она их потеряла, и до Чайковского они не дошли. Увидев партитуру, я очень удивился. Откровенно другая музыка, другой язык. Никогда бы не подумал, что это написал Сергей Рахманинов. И все же там есть его интонации, их ни с чем не спутаешь.

— После вас кто-нибудь исполнял эти произведения?

— Теперь уже многие их играют. Они введены в музыкальный оборот. Ноты продаются во всем мире, и я знаю, что музыканты включают эти произведения в свои концертные программы. Рахманинова нельзя не играть. Он был гениален и как композитор, и как пианист и дирижер. Мне Рахманинов очень близок. Благодаря его внуку я окупился в атмосфере рахманиновского дома. Много читал его писем и благодарен судьбе за то, что она соединила меня не только с произведениями Рахманинова, но и с его семьей, домом. И даже с его роalem. Ведь мой альбом записывался на роле самого композитора. Этот роаль находится в имении Сергея Рахманинова с 1928 года. Инструмент колоссальный. Звук

неповторим, ощущение — будто поешь.

— Что такое «русская фортепианная школа»? И правда ли, что она сдает позиции?

— Эта «школа» уникальна. И она никуда не денется. Просто раньше мы жили за железным занавесом, и все профессора, все исполнители концентрировались в СССР, никто никуда не уезжал. А сейчас «русская фортепианная школа» как бы растворилась в мировом культурном потоке. Она присутствует в университетах Лос-Анджелеса, Нью-Йорка, Лондона, Токио, Брюсселя, Парижа... Наши педагоги учат сейчас и китайцев, и корейцев. Но если мы не будем думать о своих музыкальных школах, то рано или поздно потеряем тот уровень исполнительства, каким славились наши пианисты.

— У вас есть ученики?

— Нет, я не преподаю. У меня нет к этому таланта. Я не могу объяснить молодому человеку, что ему нужно делать, чтобы хорошо играть. И потом, невозможно совмещать исполнительскую и педагогическую деятельность. Я попробовал один раз — ничего не получилось.

— Чтобы стать выдающимся музыкантом, в детстве надо быть вундеркиндом?

— Упал божок! Очень не люблю этого слова — «вундеркинд». Когда я стал президентом Международного фонда «Новые имена», я сразу сказал: «Наша задача в том, чтобы из способного ребенка вырастить большого музыканта, а не в том, чтобы из вундеркинда сделать звезду». Выращивание звезды из вундеркинда — заведомо провальная стратегия. К пятнадцати-шестнадцати годам такой ребенок уже как выжатый лимон. Он психологически сломлен, закомплексован. Все его природные задатки растрачены. Бóльшого музыканта надо растить долго и кропотливо. Таланту требуется постепенное развитие. Это не «Фабрика звезд».

— Не есть же какие-то обязательные слагаемые, о которых

студенты консерватории от своих педагогов узнают уже с первых занятий?

— Абсолютно никаких! Ты можешь закончить консерваторию, можешь прослушаться у дирижера, найти себе импресарио, но все равно никто тебе не даст стопроцентных гарантий, что у тебя получится сольная карьера.

— А победа на Международном конкурсе имени Чайковского такую гарантию дает?

— Я победил на нем в 1998 году. Но не могу сказать, что после этого моя творческая судьба круто изменилась. Нет, я не получил ни одного сольного концерта. Все мои выступления я организовывал сам, через личные связи, знакомства. Да и вообще конкурс дает музыканту лишь некий шанс на дальнейшую карьеру. Все остальное зависит от тебя самого. Ты должен правильно выстроить свой репертуар, научиться подписывать контракты... И, наолав немало дров, я прошел через все это.

— И все же, как президент Международного фонда «Новые имена» вы наверняка ставите перед собой задачу искать юные дарования, чтобы впоследствии вырастить из них музыкальных звезд. И будучи арт-директором фестиваля «Крецендо», вы разве не стремитесь поскорее представить публике того или иного молодого музыканта?

— В России существует целое поколение молодых музыкантов классической музыки, но о нем никто не знает. Фестиваль «Крецендо» именно для этого и создавался — чтобы молодые таланты могли заявить о себе. Первый фестиваль с фантастическим успехом прошел в Москве. Потом он переместился в Санкт-Петербург, Екатеринбург, Калининград, а также в разные страны мира. Фестиваль «Крецендо» — это дело моей жизни. Благодаря этому фестивалю российская публика узнала музыкантов, чьи имена прежде были известны только на Западе.

— Но почему российскому музыканту, чтобы состояться в России, надо сначала состояться в Европе, Америке?

— Тому много разных причин,

но действительно существует такая закономерность, весьма парадоксальная. Хотя я, например, никуда не уезжал, жил здесь. И свою музыкантскую карьеру я начинал не на Западе, а в России. Мне представлялось важным состояться именно здесь.

— Важным — по патристическим соображениям?

— Скорее по прагматическим. Я считал необходимым и полезным, прежде чем начать гастролировать по миру, закалиться на русской публике. Она — самая трудная, что там ни говори.

— Почему российская публика для вас самая трудная?

— Не только для меня — для любого музыканта. Российский слушатель, даже если он не музыкант, каким-то мистическим образом понимает, что ты собой представляешь и чего стоишь.

— Дилетант не может этого понимать.

— Может. В том-то и дело.

— Российский слушатель настолько проницателен?

— Абсолютно. Поэтому каждый концерт — это божья мистика зала. Зал обмануть невозможно. Его надо завоевывать потом и кровью. Если ты хочешь сделать себе имя в России, тебе надо положить на это минимум шесть, а то и восемь лет. После того, как ты покоришь русскую публику, тебе уже нигде не страшно выступать, это многие музыканты подтверждают. В Америке легче в одном отношении: если у тебя был дебютный триумф — все дело сделано, публика и дальше пойдет за тобой. У нас же такая привязанность не гарантируется. Если ты сегодня пережил успех, пусть даже очень громкий, это еще не значит, что на следующем концерте у тебя будет аншлаг.

— Право на аншлаги надо все время доказывать?

— Обязательно! Концерт в Вологде, Костроме, Ярославле или Владимире требует от музыканта большого напряжения сил, чем концерт в Нью-Йорке или Лондоне. Это я не для бравады говорю. Это чистая правда.

— Чья оценка для вас важна?

— В первую очередь — моих родителей.

— Одно и то же произведение пианист в разном возрасте играет по-разному?

— Да. Если у тебя нет эволюции в интерпретации, то тебе, я считаю, не стоит вообще на сцену выходить. Я сыграл Первый концерт Чайковского более 300-400 раз и, надеюсь, ни разу не повторился. Когда я играл с такими дирижерами, как Владимир Федосеев, Владимир Спиваков, Михаил Плетнев, я всегда импровизирую. Это такие дирижеры, с которыми можно импровизировать прямо на сцене. Импровизировать — в смысле интерпретации произведения. Удачу тут случаются, как правило, спонтанно. Да и в жизни точно так же. Ты что-то планируешь, а получаешь иначе — полчас лучше, чем ты ожидал.

Беседу вел
Валерий ВЫЖУТОВИЧ

Без любви — грех

«На сцену надо выходить с горячим сердцем», — убежден Максим Аверин. Тогда ты можешь собирать залы на двухчасовой моноспектакль и говорить со зрителями о том, что тебя волнует.

Можешь, отвечая на вопросы журналистов, сказать: «У меня нет никаких званий, я не народный и даже не заслуженный, зато любимый артист — и горжусь этим!» Сегодня звезда сериалов «Глухарь» и «Склифосовский» в гостях у «СВ».

— Максим, вы один из самых востребованных артистов, зачем вам еще гастроли с моноспектаклем «Все начинается с любви»?

— Актерский век короток, и наша профессия делает нас жадными до работы. Даже успех не всегда означает, что ты удовлетворен в творческом отношении. Жизнь одна, и наступает момент, когда понимаешь, что хотел бы сделать и то, и это, но, к сожалению, есть политика репертуарного театра, есть еще 50 артистов, которые имеют право на актерское счастье. Мне стало тесно, и я придумал моноспектакль, где можно показать себя в разных лицах и быть открытым со зрителем. «Все начинается с любви» — спектакль о том, что сейчас наполняет мой мир, беседа о том, как вернуть истинные ценности, которые исчезают из нашей жизни. Мы перестаем смотреть друг другу в глаза, укрывшись в фейсбуке, в мире полублюви, полудружбы, полудружбы, и вот уже люди всерьез спрашивают: «Секс без любви — это грех?» Да все, что делается без любви, — грех, и мой спектакль как раз об этом.

— Есть мнение, что сегодня в театре от системы Станиславского отходят, актеры чаще всего играют себя в предлагаемых обстоятельствах.

— Это неправда, огромное количество артистов, и молодых в том числе, прекрасно владеют искусством перевоплощения. Я хорошо знаю театральную общественность, этот замкнутый мир, в котором живут актеры, которые никуда не ходят и с легкостью выставляют диагнозы театальному искусству. Пусть тот, кто так сказал, придет в «Сатирикон» и посмотрит спектакль «Тополя и ветер». Шестнадцать лет я работаю в театре Константина Райкина и получаю огромное удовольствие, потому что рядом со мной мастер, и у него артист должен уметь делать все: например, играя шекспировскую трагедию, суметь выйти в канкан. В спектакле «Ричард III» я играю трех персонажей, и люди удивляются, где нашли столь похожих артистов.

— Вы — признанный исполнитель шекспировских ролей. По-вашему, Шекспир — реальный фигура или все же псевдоним группы авторов?

— Уже признан! Вот еще, к слову, о краткости актерской жизни. Я считаю себя подающим надежды, а вы уже называете меня по имени-отчеству. По поводу моего любимого Шекспира. Мне ясен накал страстей, сердцебиение этой драматургии, и не мое дело, кем она была написана. Разве такое знание поможет мне как артисту? Наше дело — подарить эмоции, очистить душу, заплакать, посмеяться здесь и сейчас. В этом волшебство театра.

— А современная драматургия способна создать такое волшебство?

— На самом деле не имеет значения, кого играть — братьев Пресняковых или Островского. Проходят столетия, а проблемы у человека все те же. У нас был спектакль «Доходное место», и что ни страница — все актуально, потому что так будет всегда, это заложено в нашей с вами крови. Такой, знаете, русский эпос, лишь бы лежать на печи и ждать рыбу, которая все сделает по шучьему велению.

На сцену всегда надо выходить с горячим сердцем, вот и все. Профессия наша эфемерна. Поаплодировали, и через час от этого ничего не остается. Разве что в ваших зрительских сердцах. А актер проживает каждый раз все заново. Не выйдешь же к публике со словами: знаете, мы вчера так выложились в спектакле, у нас был такой успех, позвольте сегодня без вдохновения сыграть. Публика в этом смысле жестока, один раз сорвал — больше не поверят.

— Как восстанавливается после спектаклей?

— Разве можно устать от того, что определяешь твою жизнь? Когда выхожу на сцену, я, наоборот, выздоравливаю. Один шаг делаешь — и все проходит. Отдых нужен, конечно. Моя энергетическая батарейка — это море. Но дня через три начинаю скучать. Вообще, у каждого творческого человека свой тренинг, у музыканта — это гаммы, у балерины — станок, у художника — рисунок, станок актера — его душа. Она все время должна трудиться. И поэтому даже отдых я воспринимаю как профессиональный тренинг. Как там у Ахматовой? «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Улетаешь в Венецию, идешь в кафе, где сидел когда-то Бродский, и думаешь — как это красиво и театрально, и в тебе что-то рождается, а потом все это не может не расцвести, не сложиться в какой-то

пазл, чтобы проявиться в нужный момент.

— Слава следователя Глухарева не мешает вам в театре?

— Артист театра и артист кино — две разные профессии. Театр — это «здесь и сейчас» и огромная энергия, а кино — более интимное искусство. Конечно, когда после премьеры «Лондон Шоу» выходит газета с заголовком «Глухарь сыграл профессора Генри Хиттинса» — все! Ну как комментировать, ведь столько всего сделано.. С другой стороны, «Глухарь» стал частью моей жизни. Любимый артист мечтает о такой роли, о которой будут говорить зрители. Я давно не снимаюсь в этом фильме, а меня до сих пор благодарят за Глухарева. Многие стали интересоваться моими театральными работами и открыли для себя театр.

Вы знаете, почему многие люди не ходят в театр? Потому что у них еще в школе отбили это желание, когда заставляли смотреть бездарные поста-

новки. И когда они идут в театр, чтобы увидеть любимого артиста, а потом начинают ходить на спектакли, это дорогого стоит. И давайте не будем скрывать: сериалы — формат времени. Прекрасные западные артисты не стесняются сниматься в сериалах. А что касается ярлыков, мне однажды пришла записка из зала, что Аверин — это поместь Райкина и Гурченко. Ну ладно, думаю, не самые плохие фамилии. Когда я снялся у Абрашитова в «Магнитных бурях», писали — «у него глаза Шукшина». Снялсь в жутком своем первом фильме — «русский Джим Керри». Ярлыки не артисты придумывают. Мне, например, неинтересно кому-то подражать, я сам по себе, кажется, неплохой парень и очень рад, что многим людям в стране привил вакцину любви к театру.

Ольга КРУЧЕНКОВА
Фото
Виталия ПИВОВАРЧИКА

Генетика русской национальной идеи

Вышла в свет новая книга популярного писателя, журналиста и публициста Александра Лапина «Куда идут русские?».

Наиболее известной книгой Александра являются романы-пенталогия «Русский крест», удостоенный Международной премии им. В. Пикюля и переведенный на многие языки.

— Вашу книгу иногда называют летописью поколения. Как вы думаете, почему подобных произведений очень мало? Писатели не решаются взять за тему?

— Сегодня есть отчаянные писатели. Пишут и о сексе, и о боге. Всегда легко рассуждать об общих проблемах, и трудно — о людях. На самом деле сегодня литературу делают, к сожалению, не писатели, а торговцы. Что продается, то и пишут уважаемые литераторы. Может быть, кто-то написал уже книгу, которая потрясет своей глубиной и красотами языка, но она будет лежать в столе редактора еще долго, если и вовсе не сгинет. Можно всю жизнь писать книгу. Она нужна читателям, но не издателям.

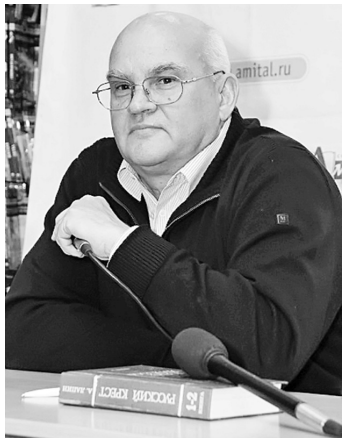
И еще одно обстоятельство — большие книги сегодня не пишут. Общепринятым стал ма-

ленький формат. А объем определяет, сколько в книге героев и сколько — всего остального. На большую книгу потратишь уйму сил, а для издателя она неходовой товар.

Мне в этом смысле проще. Для меня писательство — не основная деятельность. Поэтому мне можно высказывать свою позицию, без оглядки на вкусы издателей, а так, как я сам вижу и понимаю историю. Спокойно и обстоятельно обо всем поразмыслить.

Писательство — дело индивидуальное, сугубо личное. Однако сегодня изобретены технологии, ставящие его на поток, превращающие творчество в ремесло. Количество книг, которое выходит из-под пера отдельных авторов, говорит само за себя. Мыслимо ли дело, писателю заявлять, что раньше выпускала книгу раз в три месяца, а теперь решила делать это не чаще чем в полгода. Но ведь понятно и профану: ни за три месяца, ни за шесть написать хороший роман невозможно.

— Почему вы сочли жанр

романа-эпопеи наиболее подходящим для вас?

— Собирались писать совсем не эпопею. Вообще, никакими жанровыми рамками себя стеснять не собирался. Просто захотелось написать книгу о своем поколении, товарищах. Но когда закончил первую книгу — про юность героев, встал вопрос: «А про армию? Институт?» Пришлось рассказать и об этом. А писать эпопею не задумывал.

— Что вы можете сказать про основу «Русского креста»? Какова основная идея?

— Возрождение русского человека! Жили мы все советские люди, забыв в большинстве сво-

ем национальные обычаи и традиции. Все одинаковые. И вдруг начался процесс возвращения к корням. Причем начался не с русских. Другие народы раньше начали. Вот и выходит — нельзя рассказывать, как возродились русские, не рассказав об остальных — казахах, кавказах...

По моему мнению, «время перемен» ударило по русским сильнее всего. Поэтому дольше восстанавливаемся. Хотя если бы не возродились другие народы, может, русское сознание и не продвинулось.

— Видимо, тема самоидентификации русского человека очень важна для вас, раз вы выносите ее в названия. До «Русского креста» у вас выходили сборники статей «Русский вопрос» и «Русский ответ»... С чем это связано?

— Тема эта вечная. И актуальность ее неоспорима. Сколько жив народ будет, столько и будет происходить его самоидентификация. Вечный процесс.

А взаимодействие культур и народов — это, разумеется, и важно, и необходимо... Но и в этом взаимодействии мы должны оставаться собой. Нет человека вне нации. Спроси любого: «Кто ты?» — и он ответит:

казах, белорус, дагестанец...

А что касается «Русского вопроса» и «Русского ответа», то это плоды долгого труда. В течение более десяти лет я вел газетную рубрику. Живя в глубине и видя жизнь страны изнутри — не так, как она предстает в столице, — осмысливал, наблюдал и реагировал. От осознания того, что происходит, один горькую запивает, другой сходит с ума или в петлю лезет. У меня как у журналиста, чтобы не накапывалось, есть возможность написать, выплеснуть. Если ты живешь, то думаешь. А если думаешь, то и пишешь.

— По-вашему, новый русский человек уже сформировался? Что нужно, чтобы перестать быть советским?

— Новый русский человек, мне кажется, до конца еще не сформировался. Но процесс активно идет. Россия возрождается по давно известной схеме: самодержавие, православие, национализм.

К самодержавию мы уже научились относиться справедливо, воздавая ему должное там, где оно того заслуживает.

Православие тоже возвращается в нашу жизнь, но оно часто поверхностное, сквозь душу

человека не проросшее. Наш человек восприимчив — в его сознание извне заносится вера в колдунов и чародей, всевозможные предрассудки...

Народность, к сожалению, не до конца осмыслена и проявлена. Когда я только переехал в провинцию и стал беседовать с людьми на тему русского возрождения, от многих слышал: «А зачем нам это? Зачем нам свои обычаи?» Сегодня подобные вопросы задают уже не так часто.

— Как вы видите развитие русского этноса?

— В рамках нашей страны, России.

— А какова, на ваш взгляд, роль Беларуси и Украины в процессе возрождения русского национального характера? — И Беларусь, и Украина — государства национальные. Славянские, но, строго говоря, не русские. Сегодня они самоопределились, у них своя судьба, свои законы. Украинцы, например, утверждают, что у них и своя собственная история, отличная от русской. Думаю, мы с этими странами должны развиваться параллельно, но не лезть в их внутренние дела, тем более — в культурное развитие.

Государственное учреждение «Телерадиовещательная организация Союзаного государства»

проводит открытый конкурс на право заключения контракта на выполнение работ, направленных на создание цикла информационных программ «Союзинформ» и «Союзинформ». Обзор за неделю, отражающий аспекты российско-белорусского сотрудничества.

Начальная (максимальная) цена контракта составляет 19 487 500 (Десять миллионов девять тысяч пятьсот) российских рублей. Сайт, на котором размещены извещение о проведении данного открытого конкурса и конкурсная документация — <http://www.tro-soyuz.com/>

Государственное учреждение «Телерадиовещательная организация Союзаного государства» проводит открытый конкурс на право заключения контракта на выполнение работ, направленных на создание цикла информационных программ «Союзинформ», освещающей события общественно-политической жизни Союзаного государства.

Начальная (максимальная) цена контракта составляет 7 062 500 (Семь миллионов шестьдесят две тысячи пятьсот) российских рублей. Сайт, на котором размещены извещение о проведении данного открытого конкурса и конкурсная документация — <http://www.tro-soyuz.com/>